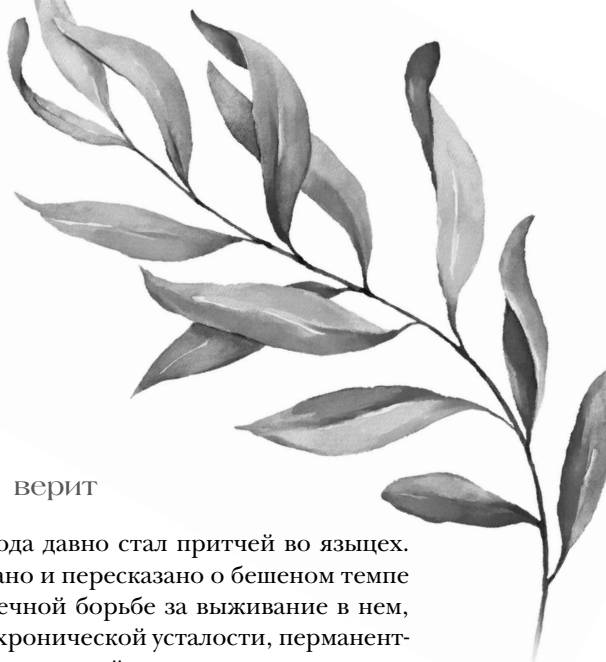

*Прежде чем осуждать своих родителей,
вырасти сначала собственных детей.*

Глава 1

Москва слезам не верит

Ритм большого города давно стал притчей во языцех. Сколько уже было сказано и пересказано о бешеном темпе жизни мегаполиса, о вечной борьбе за выживание в нем, о постоянном стрессе, хронической усталости, перманентном цейтноте и непрекращающейся суете, которые сопровождают каждое мгновение городского существования. Но сколько ни говори — ничего не меняется. Мы продолжаем жить так же, как и жили. К этому стилю бытия привыкаешь, как к наркотику, подсаживаешься на него с первых дней и вскоре уже не представляешь себе, что можно существовать как-то иначе. Типичный обитатель мегаполиса даже дома не сбивается с заданного суетой ритма и искренне считает отдыхом время, проведенное за телевизором или компьютером. Нам даже в голову не приходит, что на самом деле мы подобным образом просто отгораживаемся от самих себя, чтобы не задумываться о том, что на самом деле творится в нашей душе — потому что ответ на этот вопрос порой бывает крайне неприятен.

Ирине Невельской, популярной и востребованной актрисе театра, кино и телевидения, как именовали ее в СМИ, некогда было задавать себе подобные вопросы.

Что такое вечный цейтнот, она знала лучше, чем многие другие. Завтра ей предстояло лететь в Сочи, где начинались съемки очередного телесериала, а сегодня еще судорожно доснимались последние эпизоды нового сезона приключенческого сериала, в котором Ирина играла главную роль — умной и обаятельной женщины-судьи.

С раннего утра Ира была на ногах и к полудню уже чувствовала себя как выжатый лимон. Впрочем, это было для нее привычным состоянием: с ним она не только ложилась спать (ей никогда не удавалось добраться до постели раньше двух часов ночи), но и вставала почти каждый день. Иногда, очень редко, она позволяла себе вздохнуть, пробормотать тихонько, когда никто не слушает: «Боже, как я устала!» — и снова в бой. Снова бесконечная суматоха, осточертевшие поездки по городу из одного важного места в другое, еще более важные, вечные деловые и псевдодружеские встречи, очаровательные, но совершенно неискренние улыбки, приветствия и болтовня... Ну и работа, конечно. Собственно, от самой работы — съемок, репетиций, спектаклей, интервью, участия во всевозможных ток-шоу и тому подобном — Ирина уставала меньше всего. А вот что особенно выматывало — так это вынужденные затяжные перерывы и ожидание, которые почему-то всегда неразрывно связаны с кино и телевидением. Из всего съемочного дня перед камерой не проводишь и четверти затраченного времени, все остальное уходит просто в пустоту.

Вот и сейчас интервал между двумя эпизодами, в которых была задействована Ирина, составил около полутора часов. Ни туда ни сюда — ни отдохнуть толком, ни съездить по делам. А их до вечера нужно переделать великое множество. Досадуя, что опять придется бездарно потратить

ценное время, Ира отправилась в кафе, села за столик у окна, дежурно улыбнулась знакомой официантке и заказала чашку кофе. Время было обеденное, но обедать она не стала: есть не хотелось. Ирина вообще была малоежкой, благодаря чему не имела проблем с лишним весом, что вызывало зависть всех возможных оттенков у большинства ее подруг. А вот чего действительно хотелось — так это курить. Однако с начала июня закон о запрете курения в общественных местах окончательно вступил в силу, и теперь Ира не могла позволить себе даже этого сомнительного удовольствия.

Вытащив из сумочки мобильный, она попыталась дозвониться мужу, но его аппарат был «выключен или находился вне зоны действия сети». «Как-то подозрительно часто у него последнее время отключен телефон», — раздраженно подумала Ирина, отхлебнула принесенный официанткой двойной эспрессо и рассеянно поглядела в окно. Похоже, сейчас опять польет дождь. Черт знает что с погодой творится... Началось лето, даже не лето, а май с невероятной жарой, а потом вдруг неожиданно похолодало... Впрочем, какая разница? Когда живешь в таком бешеном ритме, в каком живет она, такие мелочи, как плохая или хорошая погода, просто не воспринимаются.

Ирина уже почти решила нарушить закон и все-таки вынуть из сумочки сигареты, когда вдруг услышала за спиной знакомый голос — низкий и великолепно поставленный. «Вживую» Ира не слышала его уже много лет, но всегда безошибочно узнавала, когда этот голос звучал по телевизору или по радио.

— Вот так встреча! Ирочка Корень!

Это обращение заставило Ирину встрепенуться. Как давно никто не называл ее по девичьей фамилии! Навер-

ное, в ближайшем окружении уже и не осталось никого, кто помнил, что она не всегда была Невельской...

Пожилого, но все еще привлекательного мужчину, стоявшего сейчас у ее столика, как и саму Ирину, тоже знала вся страна. И это несмотря на то, что в кино и сериалах он играл только второстепенные роли. Актером Борис Владимирович Чигринский был прекрасным. Спектакли с его участием всегда собирали аншлаги, каждый его выход на сцену зрители встречали овацией, а студенты театральной академии, которым довелось учиться на его курсе, считали себя чуть ли не баловнями судьбы. В свое время Ирина тоже оказалась в числе этих счастливчиков и до сих пор была благодарна своему педагогу за все, чему тот ее научил. А это во многом выходило за рамки одного только актерского мастерства. На сцене и на экране Борис Владимирович чаще всего играл персонажей в лучшем случае неоднозначных (а нередко и вовсе импозантных злодеев), но в жизни мало походил на своих героев, поскольку был доброжелательным, отзывчивым и глубоко порядочным человеком. Студенты часто приходили к нему поговорить о чем-нибудь важном, и далеко не всегда это касалось профессии. Они наверняка знали, что учитель их выслушает и поймет, не будет читать мораль, а действительно поможет разобраться в своих проблемах и даст реально дельный совет. В юном возрасте такие разговоры очень важны. Особенно для ребят, которые, подобно Ире, только что уехали из родного дома и даже из родного города...

Словом, Ирина была очень рада неожиданной встрече и с удовлетворением отметила, что, несмотря на возраст, выглядит ее наставник очень неплохо. И сразу бросалось в глаза, что это не заслуга портных, косметологов или пластических хирургов, нет, дело совсем в другом. Благополу-

чие излучал не внешний облик Чигринского, а его взгляд, спокойные движения, мягкие интонации. Каким-то непостижимым для Ирины образом Борис Владимирович ухитрялся оставаться вне той мелочной суеты, которая заполонила всю ее собственную жизнь.

Чигринский охотно принял предложение Ирины сесть за ее столик, устроился напротив и тоже заказал кофе.

— Давненько мы не виделись... — проговорил он, разглядывая Ирину хоть и внимательно, но деликатно, так, что это не выглядело бестактным. — Лет уже семь, наверное. Как бы не больше...

— Неужели так много?! — ахнула Ира. — Ну да, действительно... Со времени проб на тот костюмный сериал, как его, «Китай-город»... По Островскому, кажется.

— По Боборыкину, — вежливо поправил Борис Владимирович. — И с тех пор я тебя видел уже только по телевизору.

— Издержки нашей профессии, — горько усмехнулась Ирина. — Даже близкие видят нас на экране чаще, чем дома. Если б муж не был моим агентом, боюсь, мы бы с ним вообще встречались не чаще пары раз в месяц. А так Игорь хоть иногда меня вытаскивает на всякие, как он выражается, «мероприятия, необходимые для имиджа». Хоть я и сопротивляюсь изо всех сил.

Чигринский понимающе кивнул.

— Тоже не люблю всей этой *светской жизни*, — последние слова он произнес с откровенной иронией. — Но тебе, конечно, никуда от нее не деться, положение обязывает. Популярность, как Минотавр, требует постоянных жертв.

Ирина пожала плечами.

— Игоря не переубедишь, но, на мой взгляд, не так уж все это и нужно. Когда много снимаешься в сериалах, уже

по определению становишься популярным. Для тех, кто каждый день на тебя смотрит, ты превращаешься почти что в члена семьи.

— Думаю, все-таки не ты, а твой герой, — мягко возразил Борис Владимирович, отхлебывая кофе.

— И ты сам тоже, — не согласилась Ирина. — Только, пожалуй, я неправильно выразилась. Становишься не членом семьи, а соседом, за которым подглядывают в замочную скважину и с наслаждением обсасывают все подробности его жизни... Особенно когда что-то случается. Не знаю, есть ли хоть одно СМИ, которое не перемыло косточки моей Алике после той истории... Вы, конечно, в курсе? — с досадой осведомилась она.

Борис Владимирович покачал головой.

— Практически нет. Я далек от желтой прессы и не интересуюсь сплетнями. Только слышал от кого-то из общих знакомых, что у твоей девочки были какие-то неприятности.

— «Были неприятности», — фыркнула Ирина. — Неприятности — это слабо сказано. И они, к сожалению, не были, а продолжают, конца и края им не видать...

Ирина машинально потянулась за сигаретами, но вовремя остановилась. Жестом подозвала официантку, заказала пятьдесят граммов коньяка и еще кофе. Неожиданно ей захотелось все рассказать Борису Владимировичу. Сколько уж времени она никому не изливала душу, не делилась тем, что действительно гнетет. А все лишь потому, что просто не оказывалось рядом подходящего собеседника.

В наше время не только продукты питания превратились в суррогаты — суррогаты чувств стали обыденными настолько, что вытеснили настоящие чувства. Суррогаты любви, суррогаты заботы, суррогаты сочувствия. Но если

натуральные продукты человек может себе позволить, переплатив за «естественность», то натуральные чувства для многих жителей мегаполиса просто недоступны. Нет на них ни сил, ни времени у вымотанного, выжатого досуха современного горожанина. Потому и приходится довольствоваться суррогатами. И когда случается почти что чудо и рядом появляется человек, готовый проявить искреннее сочувствие, то просто грех не воспользоваться такой возможностью.

— Алика под домашним арестом, — поделилась Ирина. — К счастью, уже неофициально.

— Ничего себе! — вскинул брови собеседник. — А что случилось-то?

— Она чуть в тюрьму не загремела. — Ирина отвела взгляд. Ей было стыдно, как будто это она сама чуть не попала в тюрьму. — Подралась в ночном клубе....

И Ирина стала рассказывать о своем хождении по кругам ада. Началось оно с раздавшегося в ночи телефонного звонка и официально-строгого голоса в трубке: «Ваша дочь, Невельская Алика Артуровна, задержана по подозрению...» Затем продолжилось в отделении полиции, где Ирина увидела Алику в наручниках, с размазанной по лицу косметикой, сидящую в «обезьяннике» в компании каких-то бомжей и шумных, вульгарно одетых и размалеванных девиц. А потом были походы к следователю и визит к родителям пострадавшей, где Ирина, которой даже не предложили сесть, глядя в пол, пыталась откупиться от позора, попутно выслушивая всякие гадости про себя и дочь. Обыватель никогда не упустит возможности пнуть более известного и достойного человека — во все времена популяция мосек в разы превосходила количество слонов.

На судебное заседание репортеров, к счастью, не пустили, но вокруг здания суда они клубились целым роем, точно мухи в знойный летний день над кучкой свежего навоза. Ирине с дочкой еле удалось пробиться сквозь их толпу сначала в здание, а потом обратно к своей машине. На суде прокурор просил три года с отбыванием наказания в колонии, но Ирина не зря подняла на ноги всех знакомых, нашла хорошего адвоката и не поскупилась. В результате Алике дали два года условно.

— Я ведь и не замечала этого... Ну, того, какой она стала. — Ирина выпила коньяк, даже не почувствовав ни вкуса, ни опьянения. — Для меня она была всегда маленькой девочкой, которую я видела очень редко. Но что поделашь... При нашей профессии нет никакой возможности совмещать семью и работу. Либо ты снимаешься, получаешь интересные роли и нормально зарабатываешь — либо перебиваешься с хлеба на воду и три раза в месяц играешь даму на балу во втором составе, но зато остаешься хорошей женой и матерью. Я выбрала карьеру. Наверное, меня можно за это осуждать... Но ведь актерская работа — это мое истинное призвание! Все, в том числе и вы, всегда говорили, что у меня настоящий талант! — произнесла это, Ирина разволновалась еще больше.

— Я и сейчас так считаю. — Борис Владимирович успокаивающим жестом положил тяжелую руку на ее ладонь.

— Я всегда старалась, чтобы Алика ни в чем не нуждалась, — продолжала Ирина уже тише. — У нее были прекрасные няни и гувернантки, она училась в лучших школах. Отдыхать ездила не реже трех раз в год. Если бы я себе такое могла позволить! Всякие шмотки, побрякушки, гаджеты — только скажи!..

— Девятнадцать весной исполнилось... — Ирина поморщилась, вспомнив еще кое-что неприятное. — После школы я ее в РАТИ поступила. Хлопот с этим был полон рот, честно вам скажу. Алика, к сожалению, не в меня оказалась и даже не в свекровь, а видимо, в отца — способности практически на нуле. Но чем-то же заниматься в жизни надо! Вот я и настояла на актерском... Тут я ей хоть помочь смогу.

— А сама она что хотела? — словно бы невзначай поинтересовался Борис Владимирович.

Ирина отмахнулась.

— Да ничего она не хотела! По фигу куда поступать, лишь бы от нее отстали. Вот я и билась с ней, репетиторов наняла по мастерству, по всем предметам, заниматься заставляла... В общем, пропихнула в вуз с грехом пополам. И на радостях расслабилась, думала: все, дело сделано. А ее отчислили с первого же курса за неуспеваемость и профнепригодность. Конечно, мне надо было самой ее учебу контролировать... Но я ж не знала!..

— Да уж, вуз для абитуриента — это как замужество для девушки, — усмехнулся Чигринский, отставляя пустую чашку. — Кажется, что главное — сыграть свадьбу, а дальше уже все само собой пойдет. А на самом деле трудности в семейной жизни начинаются уже после ЗАГСа. Так и с учебой. Поступление — только начало пути... Неужто ты сама не помнишь, как училась?

— У меня-то все по-другому... Мне учеба в радость была. Помню, сколько раз ночью просыпалась и сама своему счастью не верила — неужели я в ГИТИСе учусь? — Ирина сделала паузу, допив остывший кофе. — Когда Алику выгнали, у меня прямо руки опустились, я вообще не знала, что делать. Попыталась пообщаться с ней, все обсудить,

так кончилось все скандалом. Она такого мне наговорила, вспомнить страшно... С тех пор дочь совсем отдалилась от меня. А потом эта драка... Я даже не удивилась, когда с ней произошло... такое.

Ирина замолчала, ее собеседник тоже молчал. Было слышно, как снаружи стучат по стеклу тяжелые дождевые капли.

— Сочувствую, — наконец сказал Борис Владимирович, и Ирина не сомневалась, что он и правда всей душой сочувствует ей. — Но ты молодец, справилась... А дальше что?

— Не знаю. — Ира внезапно поняла, что действительно не знает, что дальше. Всю оставшуюся жизнь держать Алику под замком? Поступить ее в какой-то другой институт, водить туда за ручку и сдавать экзамены через конверты? Ну, хорошо, это на пять лет, а потом? Что Алика будет делать после того, как получит диплом? Ответов на эти вопросы у Ирины не было.

— Ну а сама-то ты как? — спросил Борис Владимирович. — Довольна своей жизнью? Ведь карьера все-таки состоялась?

Ирина отрицательно покачала головой:

— Довольна? Не сказала бы. Вот вы сейчас меня спросили, а я вдруг подумала: разве «сериальная обойма» — это то, к чему я стремилась? Меня даже творчество мое уже не радует, оно превратилось в ремесло. Я штамую роли, как автомат в общепите наливает кофе в стаканчики. Многое я вообще не стала бы играть, будь моя воля, но мне платят, значит, приходится. Попала белка в колесо — пищи да беги.

Посреди ее монолога Чигринский невольно поморщился, и Ира тут же вспомнила, как он неоднократно повто-

рял им, что слово «творчество» никогда не употребляется в первом лице. «Творчество бывает только у других. Есть творчество Пушкина, есть Врубеля, есть Феллини. А «моего» нет и быть не может. Говорить о себе, что он творец, гений и талант, позволено только самодовольным индюкам, компенсирующим недостаток культуры избыточным самомнением», — заявлял он.

Но сейчас Борис Владимирович заговорил, конечно, совсем не об этом.

— Знаешь, Ирочка, — сказал он, отставляя пустую чашку, — людей понять сложно, а нас, актер актерычей, еще сложнее. Мы привыкли играть, лицедействовать, жить чужой жизнью. Но когда я увидел тебя, я сразу почувствовал, что ты в отчаянии. — Ирина вскинула голову, но ее собеседник продолжил: — Не спорь со мной, прошу тебя. Тебе только кажется, что ты живешь, а на самом деле ты действительно как та белка в колесе. Но тебе и попицать-то не для кого.

На глаза Ирины невольно навернулись слезы. Чигринский наклонился к ней и ласково коснулся ее плеча:

— Тебе надо передохнуть, Ирочка. Сделать паузу. Съездить в какое-нибудь тихое место, побыть наедине с собой. И только потом двигаться дальше. Кстати, ты же у нас вроде бы из Атяшево?

— Какая же у вас все же поразительная память, Борис Владимирович! — невольно восхитилась Ирина.

Эта особенность Чигринского не была для Ирины новостью. О его почти феноменальной памяти в ГИТИСе ходили легенды. А курсе на третьем, когда кто-то из студентов спросил его об этом на занятии, выяснилось, что способность помнить все важное у их наставника — не дар свыше, а результат многолетних усилий. Еще в школе,

готовясь поступать в театральный, он начал тренировать свою память, чтобы запоминать как можно больше ролей. С возрастом Борис Владимирович не оставил этой привычки и до сих пор помнил не только лица и имена всех своих учеников, но и основные вехи их биографии.

— А почему это вы вдруг вспомнили про Атяшево? — с интересом спросила Ирина.

— Потому что сам побывал в ваших краях, — серьезно отвечал Чигринский. — И должен тебе сказать, до сих пор нахожусь под впечатлением. Хотя прошло уже много лет.

— Это как же так? — невольно заинтересовалась Ирина.

— А вот так. Ты ведь, конечно же, знаешь Гунские курганы?

— Ну, разумеется. У нас их называют Атяшевские Бугры. Или просто Бугры, — кивнула Ира и усмехнулась. — Вроде как местная достопримечательность. Овеянная легендами, как выражаются в туристических справочниках.

Однако собеседник не поддержал ее ироничного настроя.

— Вот в тех-то удивительных местах я и побывал, — поделился Чигринский. — Знаешь, когда моей Лели не стало, у меня жизнь словно ножницами обрезало. Вообще ничего не хотелось — ни пить, ни есть, ни работать, ни даже с внуками видаться. Готов был лечь и лежать, пока не отправлюсь следом за ней. Спасибо, друзья не дали. Сережка Федотычев приехал как-то и говорит: «Вставай, собирайся и поехали. Отвезу тебя кое-куда». Я упирался, но он и слушать ничего не стал, чуть ли не силком меня вытащил. Привез к себе на родину, а он почти что твой земляк — из Алатыря. Переночевали мы у него, а утром встали пораньше и задолго до рассвета отправились к этим самым курганам. Я сначала не знал, что это за место, а он и не

сказал мне ничего. Только потом, когда возвращались, уже объяснил, что к чему. Рассказал, что там... Впрочем, что у тебе-то это говорю, ты сама оттуда, сама все знаешь.

Ирина неопределенно пожала плечами. У нее имелось свое мнение на этот счет, но она не считала нужным сейчас его высказывать.

— И там... — Борис Владимирович замолчал ненадолго. — Даже не знаю, как тебе это объяснить... Там на меня точно озарение какое-то снизошло. Будто глаза открылись. Вроде место-то само — ничего необычного: холм посреди поля над речкой. А вот поднялся я на тот холм, огляделся вокруг — солнце встает, красота такая, хоть картину пиши! И чувствую — что-то поменялось во мне, тоска слетела, как корка со старой раны. Вдруг подумалось: а разве хотела бы Леля, чтобы я так убивался по ней? Легче ей от этого? Да наоборот! Она была бы только рада, если б я снова зажил полноценной жизнью, опять начал бы работать, заботиться о семье... Странно, но до курганов мне это даже в голову как-то не приходило...

— Когда тебе плохо, забываешь обо всем, — задумчиво проговорила Ирина.

— А когда тебе хорошо — тем более, — усмехнулся Чигринский. — Мы вообще стали какими-то удивительно нечуткими. И безэмоциональными. Пробудить в нас чувства могут только трагедия, катастрофа — и то не всегда. А когда все хорошо, мы просто не замечаем этого, не радуемся тому, что имеем.

— Нам просто некогда это заметить, — поддержала мысль Ирина.

— Так-то оно так, однако...

В сумочке у Ирины тренькнул телефон — напоминание, что пора возвращаться к работе. Ира смутилась:

— Извините, что прерываю на полуслове, но...

— Да что ты, конечно! Мне и самому давно пора идти. — Борис Владимирович поднял руку, подзывая официантку. — Счастливого тебе, Иришка. Держись. И все-таки подумай над моими словами, хорошо?

Ира машинально кивнула и поспешила к двери, на ходу нащупывая в сумочке сигареты.

* * *

Освободилась Ирина неожиданно рано, еще не было и десяти. Зимой в это время уже давно тьма крошечная, но сейчас, в конце июня, в период самых длинных дней, было еще светло, и Ира тут же потянулась за планшетом, чтобы посмотреть в ежедневнике, не успеет ли она сегодня сделать что-нибудь из длинного списка дел. Нет, пожалуй, ничего не получится. Но в конце концов это тоже неплохо. В кои-то веки она вернется домой еще до полуночи и, быть может, даже сумеет лечь спать пораньше и выспаться перед завтрашним самолетом.

Что такое спать вдоволь, столько, сколько хочется, Ирина уже не помнила. Как и не помнила, когда последний раз у нее выдавался свободный день или вечер. Впрочем, были в этом и положительные стороны. Свобода для жителя мегаполиса — понятие очень странное. Иногда она пугает больше, чем любая неволя. Жители крупных городов привыкли быть скованными изо дня в день своим расписанием, а у кого его нет — просто своими ежедневными делами и даже увлечениями. При этом каждый третий считает, что он свободен, но, сталкиваясь с настоящей свободой, пасует, теряется и искренне не знает, куда девать время.